

НИКОЛАЙ
ГЛАЗКОВ

ПОЭТ НЕНАСТУПИВШЕЙ ЭРЫ

Николай Иванович Глазков

Поэт ненаступившей эры. Избранное

Серия «Поэтическая библиотека (Время)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61854636

Николай Иванович Глазков. Поэт ненаступившей эры : Избранное:

Время; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-1969-7

Аннотация

Николай Глазков (1919–1979) – один из крупнейших поэтов XX века, масштаб дарования которого трудно переоценить. Он – новатор и основатель литературного направления «небывализм», примыкающего к футуризму, пронзительный лирик и автор страстной гражданской поэтики, им созданы эпические поэмы, хлёсткие афоризмы на злобу дня, трагикомические пьесы в стихах. В те годы, когда Н. И. Глазкова мало издавали, он мастерил свои поэтические тетрадки для узкого круга друзей и знакомых, а заодно изобрёл новое слово «самиздат», прочно вошедшее в русскую лексику (первоначально «сам-себя-издат»).

В настоящее издание включены произведения от самых ранних до написанных в последние годы жизни.

Содержание

Татьяна Бек. Неизвестный Глазков...	9
Стихотворения	12
Я на мир взираю	12
«Некий царь из тех династий...»	12
Пират	12
«Не хочет Бог, чтоб каждый верил в Бога...»	14
«В тот день улетучилась к чёрту победа...»	14
Шагреновая кожа	14
«Мне ночь дарует мрак...»	15
«Люди бегут на лыжах...»	16
Заклинание от холода	17
«Шкура онагра из Азии...»	18
Действительность	18
«Жизнь – путёвка в Сибирь...»	19
Ворон	19
«Как рыбы, золотые купола...»	21
«Водка жизни испита...»	21
Баллада баллад	22
«Есть на этом свете счастье?...»	24
«В созвездья линзами двойкими...»	25
«По небосклону двигалась луна...»	25
«Рекламы города цветут...»	26

«Я ненавижу эти правила...»	26
«Будут гонки, либо ралли...»	26
«А если пыль дорожная...»	27
«Путь азбучных истин неведом...»	27
Псалом	27
«Век двадцатый войной исковеркан...»	29
«Я быть хочу смелее всех...»	30
«Проходя по знойному Арбату...»	31
«Поэзия! Ты не потерпишь фальши...»	31
«Я мог бы прочитать Расина...»	32
«Если не по щучьему велению...»	33
«Был легковерен и юн я...»	33
Лапоть	34
Всемирная история в самом сжатом виде	37
«Существуют четыре пути...»	37
Про одноглазок	38
«Я был дураком, стариком, инвалидом...»	39
«Кто за меня, кто за него...»	39
«Молодость проходит удалая...»	40
«Ежели ты праведник...»	41
«Но если путь к иным победам...»	41
«Мы любим жизнь со всеми трын- травами...»	42
«Не Дон Кихот я и не Гулливер...»	43
Стихи, написанные под столом	43
«Чья душа настолько измельчала...»	45

«Все, которые на крыше...»	45
«Поглядеть велит сам бог нам...»	46
Примитив	46
Моя жена	48
«Подальше убраться...»	49
«Бывают в нашей жизни величины...»	50
За новое счастье	50
Зимнее утро	51
«Не очень трудно обмануть...»	52
«Людское коварство изведав...»	53
Что лучше?	54
Реставратор	55
Гимн клоуну	56
«За что мне нынче не лафа?...»	57
Дервиш и моряк. Арабская притча	57
«Взбираться по отвесным скалам сложно...»	58
Размышленья	59
«Есть преданье: Иуда повесился...»	60
«Не надо глупости бояться...»	61
«Что лучше: вежливость иль грубость?...»	62
«Кем больше быть хочу, спросили...»	62
«Жить и жить – полезней и прелестней...»	63
Лирь	65
«Есть страна Египет...»	65
Гоген	66

«С женщиной какой-нибудь такой...»	66
«Снежинки падают...»	67
«Все мы, проработавшие Пушкина...»	68
«Хотя играл огнями город, но...»	69
Письмо знакомке	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Николай Глазков

Поэт ненаступившей эры

Художественное электронное издание

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Оформление – *Валерий Калныньш*

Редактор *Лариса Спиридонова*

Художественный редактор *Валерий Калныньш*

Вёрстка *Светлана Спиридонова*

Корректор *Елена Плёнкина*

© Николай Глазков, наследники, составление, 2020

© «Время», 2020

Татьяна Бек.

Неизвестный Глазков...

Николай Глазков (1919–1979) – выдающийся русский поэт советского времени. Временем этим измученный и в глазах читателя искажённый, но Божий замысел в себе с упрямой лёгкостью сохранивший.

Родом из священнослужителей. Отец в 38-м году репрессирован и расстрелян. Учился в довоенном Литинституте, где сразу стал живой легендой. <...>

Ощущение своей исключительности (сдобренное неповторимой самоиронией) было спасительной подосновой глазковского творчества и шло не от кичливости, а от острого ощущения мистической связи с самой Вселенной – как у «председателя Земшара» Хлебникова, предтечи Глазкова, чьи уроки в поэзии ученика причудливо переплелись с открытиями обэриутов. Кроме того, здесь таилась самозащита Глазкова от соцреалистической нивелировки, от преуспевающих бездарей, от унижительной невозможности напечатать главные свои стихи:

Самокульт. Но меня довели
Долгой травлей до этой религии.
А велик ли Глазков? Да. Велик.
У него и ошибки великие.

Кстати, *ошибка* – в глазковском мире высочайший оценочный балл, всегда сопровождаемый эпитетом «великая». В поэме «Поэтоград I» он пишет: «Я исключён как исключенье / Во имя их дурацких правил!» – пишет, заметим, о своём изгойстве не жалостливо, а с победительной энергией и в ритме, и в интонации.

Глазков был новатор: он творил свои небывалые слова, а слова привычные так сталкивал лбами, что образные искры летели врассыпную. Так он – почти не издаваемый и переплетавший листки со своими шедеврами в доморощенные тетрадки для друзей – изобрёл слово «самиздат» (первоначально: сам-себя-издат), вошедшее в трагическую лексику советской эпохи как слово общенародное. А ещё он, рождённый в январе и знавший толк в бражничестве, придумал месяц «пьянварь».

Глазков был основателем целого литературного направления по имени «небывализм», задуманного как дочерняя ветвь футуризма: была плеяда, были манифесты, были проекты – их смяло время и загнало в архивные тайники, в подсознание, в нети. <...> В дальнейшем свои инверсии, свои исторические прозрения, свои парадоксы, каламбуры и афоризмы поэт всё же сохранил, хотя и под щитом.

Глазков был личность, одарённая всесторонне. Сильный шахматист. Увлекался боксом. Действительный член Географического общества. Актёр. Помните летающего мужика из

фильма «Андрей Рублёв» А. Тарковского? Это он, Глазков. Он был человек очень высокий, могучий, сутулый, борода-тый и юродиво-красивый. Юродивость его шла от презрения к строю и власти, и от страха перед ними (страх без заискивания – уже мужество), и от высшей народной мудрости. «Надо быть очень умным, / Чтоб сыграть дурака», – подытожил он свой уникальный опыт уже в шестидесятые.

Коллеги его снисходительно любили (лучшие из них втайне прекрасно осознавали, кто есть кто, но официальную иерархию не разрушали никогда), опасливо сторонились и кто как мог грабили. Да, Глазков весь разворован – по строчкам, по образам, по рифмам, по метафорам. «...Сколько мы у него воровали, / А всего мы не утянули», – чётко констатировал Борис Слуцкий.

Нынче пришла пора Глазкова. Выходят его неизданные стихи и поэмы. Репродуцируются графические наброски, шаржи. Пишутся мемуары и статьи. А ведь он и это предсказал более полувека назад:

Писатель рукопись посеял,
Но не сумел её издать.
Она валялась средь Расеи
И начала произрастать.

Из статьи Татьяны Бек, 1996

Стихотворения

Я на мир взираю

«Некий царь из тех династий...»

Некий царь из тех династий,
Что бояться гнева масс,
Со своей царицей Настей
Улететь решил на Марс.

Там, где в северном сиянье
Дремлют северные льды,
Прилетели марсиане
И поставили шатры.

1925

Пират

В морской утонувши пучине,
Мог быть достоянием крабов

Иль где-нибудь в знойной пустыне
Рабом разъярённых арабов.

Не раз на съеденье акулы
Его обрекали матросы,
Но он им сворачивал скулы,
Спокойно куря папиросы.

Не раз с берегов Сенегала
Ему угрожали кончиной, –
Он вешал посланца-нахала
На длинном конце парусины.

Он грабил далёкие страны.
Под жизни скитальческой склон
Залечивать старые раны
Поехал на родину он.

И смерть восприял на постели
В одну из морозных ночей
Под северный ропот метели,
Под сдержанный шёпот врачей.

1937

«Не хочет Бог, чтоб каждый верил в Бога...»

Не хочет Бог, чтоб каждый верил в Бога,
Ему пустая вера не нужна,
Людей он судит праведно и строго,
Лишь добрые дела – к нему дорога,
И, вероятно, им не грош цена!

«В тот день улетучилась к чёрту победа...»

В тот день улетучилась к чёрту победа,
И это трагически понято мной,
Но я утверждаю, что званья поэта
Достоин, как званья иного – иной.

1937

Шагреновая кожа

Желать – нас сжигает,

Нас мочь – разрушает,
Дарует спокойствие – знать,
Но чаще бывает,
Что счастье внушает
Не видеть и знать,
А желать.

И все мы, конечно,
Желать бесконечно,
Желать безрассудно не прочь,
И все мы беспечно
Желаем, чтоб вечно
Желать превращалось бы в мочь.

1937

«Мне ночь дарует мрак...»

Мне ночь дарует мрак,
Сверлит сознание рок.
Да здравствует дурак,
Проникнувший в мирок.

А я совсем не то,
И песнь моя не та.
Я гений и знаток;
Но действую не так.

«Люди бегут на лыжах...»

Люди бегут на лыжах,
Желая кому-то добра.
Налёт на цинковых крышах
Солнца и серебра.
Так лета пролетали.
Хотелось хорошего мне б!
Но цинком струит планетарий
Изнанку каких-то неб.

Смотрит на город витрина,
Ни холодно ей, ни тепло.
Похоже на паутину
Треснувшее стекло.
Загромождено мелочами
Течение большого дня.
Люди не замечают
Ни мелочей, ни меня.

Если добраться до истин,
Ни одна трава не сорняк:
Пусть бесполезны листья —
Значит, польза в корнях!..
Много стихов сочинил я

Про то, как жизнь хороша.
Пальцы мои в чернилах,
Пальцы, а не душа!

1938

Заклинание от холода

Путь дамасский,
Веками начертанный,
Краски да маски –
На чёрта нам.
Осталась
Усталость,
Да вот под рукой
Дорога
До Бога.
Пойдём по другой.
Вертится громада,
Шар как.
Ногами не надо
Шаркать.
И жарка
Прохлада.
И градус
На радость,
И выпьем,
И выьем бокалы.

1938

«Шкура онагра из Азии...»

Шкура онагра из Азии
Путь свой в Париж завершила.
Стоит ли бочка мальвазии
Сенского ила.

Смерти за жизнью погоню
Шкура устроила. Что же.
Разве не стоит агонии
Лоскут шагреновой кожи?!

1938

Действительность

Диалектический контакт
Явления сущности и сущности явлений,
Действительность, ты проходящий акт
В трагедии эпох и поколений.

И это повторяющийся факт,
Которому нельзя не покоряться,
Хоть факт упрям, но мы живём в антракт,

Где происходит смена делегаций.

В такие дни стихи срывают с губ –
Зажатые в какой-то жуткой сумме –
Во-первых, тот, кто молодецки глуп,
А во-вторых, кто дьявольски безумен.

1938

«Жизнь – путёвка в Сибирь...»

Жизнь – путёвка в Сибирь,
И грехов отпущенье,
И стихов календарь.
Жизнь люблю не за быль,
За одно ощущение –
Взгляд, направленный вдаль.

1938

Ворон

Чёрный ворон, чёрный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, чёрный час.

Я спросил его: «Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство?»
Он ответил: «Никогда!»

Я сказал: «В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Всё же буду я любимым?»
Он ответил: «Никогда!»

Я сказал: «Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье?» – «Никогда!»

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным «Никогда!».

Я спросил: «Какие в Чили
Существуют города?»
Он ответил: «Никогда!» –
И его разоблачили.

«Как рыбы, золотые купола...»

Как рыбы, золотые купола
Плывут туда, где небо синевее,
Из той страны, которая была,
В такую даль, которая новее.

Они плывут, как рыбы, из бывшего,
А мимо них, виденцев старины,
Проходим мы, поэты-рыболовы,
И прочие рабочие страны.

1938

«Водка жизни испита...»

Водка жизни испита,
Каждый шаг – как путь пологий.
Путь пройденный – как спектакль,
Отшумевший в эпилоге.

И твердится: отомсти, мол,
Поклянясь пред небосводом,
Потому что это – стимул
Тоже жизни и чего-то.

Баллада баллад

Лампа мигала вечер,
Ресницы сходились у глаз,
И расходились, как будто в вечность,
Каких-то четыре угла.

В дверь вошёл незнакомец,
Сунул мне пузырьёк.
И, со мной не знакомясь,
Следующее изрёк:

– На стены эти побрызгивайте,
А нам – разойтись дорогами.
Предметы, которые близки вам, те
Обязательно будут далёкими.

Так незнакомец сказал и сгинул,
А я начал брызгать.
Даже наполовину
Мне ничего не близко.

Но что-то стало глаза слипать,
Послышался грохот где-то.
И я на кровать повалился спать,

Усталый и нераздетый.

Потом – вспоминаю – проснулся. Полдень,
Наверно, тогда стоял,
И подле меня заметала пол тень
От маленького стола.

Жалкая комната стала залой,
Выросла раз в тыщу,
Однако прежним объёмом связало
Одежду, мебель и пищу.

И я подумал... Итак, тогда бы
Осенила идея? Во-первых,
Из пузырька остаток накапал
На воду, на хлеб, на консервы.

Во-вторых, меня клонило ко сну,
Заснул и видел во сне,
Что капаю каплями на казну
И червонцы летят, как снег.

Опять – вспоминаю – проснулся. Вечер,
И стол обставлен вокруг.
Увидел, что едой обеспечен
И с голода не умру.

И в самом деле отрадное зрелище:
Стол обставлен весь.

Вспомнил я, что не ел ещё,
И решил есть.

Обычно я за едой читал,
Но – не было, знать, газет –
Глаза в этот раз свободны. Итак,
Я стал глазеть:

Зала сперва превращалась в площадь,
Площадь потом в поле, и
Нарастало поле позже
Более и более.

Наконец превратилось в безбрежное море.
Бр-р-р... Неприятно.
И я подумал: «По-моему,
Я заключён в необъятное!»

1939

«Есть на этом свете счастье?...»

Есть на этом свете счастье?
Я спросил, и мне в ответ
Филин ночью, утром ястреб
Сообщили: «Счастья нет!»

«Счастья в мире много очень,

И для счастья мы живём!» –
Соловей поведал ночью,
Ласточка сказала днём!

«В созвездья линзами двоякими...»

В созвездья линзами двоякими
Труба смотрела Галилея.
В страну, открытую варягами,
Плыла Колумба корабля.

В страну открытую, забытую –
Таков удел любых Америк.
А старый мир стал картой битую,
Наивной картой Птолемея.

1939

«По небосклону двигалась луна...»

По небосклону двигалась луна
И отражалась в н-ской луже,
И чувствовалась в луже глубина,
Казалась лужа в миллион раз глубже.

1937

«Рекламы города цветут...»

Рекламы города цветут
Движеньем и огнём.
Четыре девушки идут
И думают о нём.

А почему не обо мне,
Чем хуже я его?
Ничем не хуже, но оне
Не смыслят ничего.

«Я ненавижу эти правила...»

Я ненавижу эти правила,
Они попрали все права.
Пускай судьба меня облаяла,
Но – сам себе я голова.

1940

«Будут гонки, либо ралли...»

Будут гонки, либо ралли –
Всё за те же грóши, –
Мы маршрут не выбирали
И машину тоже.

«А если пыль дорожная...»

А если пыль дорожная
И путь ведёт в Сибирь,
То всё равно как должное
Приемлю эту пыль.

«Путь азбучных истин неведом...»

Путь азбучных истин неведом,
Но он начинается с «я»,
И, может быть, именно в этом
Сермяжная правда вся.

1940

Псалом

В стихах ничего лишнего –
И в этом моё спасенье,
Живущий под кроной Всевышнего,
Под самой надёжной сенью.

Шатаюсь, как все, по городу,
Чёрт знает чего не выдумаю,
Но я говорю Господу:
Прибежище моё и защита моя.

А в своих стихах своего лица
Не могу я иметь разве?
Он избавит меня от сети ловца
И от губительной язвы...

Всё равно, где минус и где плюс.
Всё пускай вверх дном,
Ужасов в ночи не убоюсь
И стрелы, летящей днём.

Язвы, ходящей во мраке,
Заразы, опустошающей в полдень, –
И уцелею в драке,
Чтоб путь до конца был пройден.

Скажу, что Господь – моё упование,
Всевышнего я избрал своим прибежищем.
Когда доживу я до пирувань,
То быть перестану посмешищем.

Не приключится мне зло,
Язва не приблизится к теліщу.
Дал Господь поэта ремесло –
Голос Господа я слышу.

Наступлю на аспида и василиска,
Попирать буду льва и дракона.
Будет победа близко
Мне, как поэту, знакома.

За то, что имя Его познал,
Не спросит, зачем я стихи писал.
Любовная лодка не разобьётся о быт,
Господь Бог,
Он всё видит, всё знает.
На Него я надеюсь. Не буду убит.
Он избавит меня и прославит.

И пускай я теперь где-нибудь на дне,
Ощущаю своё воскрешение:
Он насытит меня долгою дней
И мне явит моё спасение.

«Век двадцатый войной исковеркан...»

Век двадцатый войной исковеркан.

Осознал с головы до пят его.
В глубину двадцать первого века
Я смотрю с высоты двадцать пятого.

Я смотрю сквозь веков венки,
Не вступивших ещё в обращение.
И ещё я смотрю сквозь бинокль
Поэтического обобщения.

Вижу город, где нет для ближнего
Никаких наказаний лютых
И совсем ничего лишнего
Ни в стихах, ни в вещах, ни в людях.

На земле никому не тесно,
Не дерётся с народом народ.
Скажут – это неинтересно,
А, по-моему, наоборот.

1940-е

«Я быть хочу смелее всех...»

Я быть хочу смелее всех
По беспредельности размаха,
Но самый смелый человек
Бойся собственного страха.

1940

«Проходя по знойному Арбату...»

Проходя по знойному Арбату,
Я мечтал всегда по мелочам.
И людей бегущую громаду
Я, не изучая, замечал.

Я не знал, куда они спешили, –
Всяк по-своему спешил пожить, –
Но проверено, как дважды два четыре:
Мне некуда больше спешить.

Всё суета сует и всяческая суета.
Я всех люблю. Желаю всем успеха.
Но не влияет на меня среда.
Я всё могу, но только мне не к спеху.

1940

«Поэзия! Ты не потерпишь фальши...»

Поэзия! Ты не потерпишь фальши
От самого любимого поэта.
Я для себя пишу всё это. Дальше

Плывут стихов задумчивые баржи.

Я для себя пишу – и в равной мере
Для всех других. Они прочтут поэта,
Который ненавидит лицемерье
И скуку открываемых Америк.

И если я не буду напечатан,
А мне печататься сегодня надо,
То я умру, швырнув в лицо перчатку
Всем современникам, – эпоха виновата!

Я захлебнусь своими же стихами,
Любимый, но и нелюбимый всеми.
Прощай, страна! Во мне твоё дыханье,
Твоя уверенность, твоё спасенье.

1940

«Я мог бы прочитать Расина...»

Я мог бы прочитать Расина
И ознакомиться с Европой,
Да не хватает керосина,
А в темноте... поди попробуй.

«Если не по щучьему велению...»

Если не по щучьему велению,
То тогда велению по чьему
Пропадает наше поколение –
Для чего? Зачем? И почему?

1941

«Был легковерен и юн я...»

Был легковерен и юн я,
Сбило меня с путей
Двадцать второе июня –
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях,
Общих для всей страны,
И никогда не забыть их –
Первых минут войны!..

1941

Лапоть

Валялся лапоть на дороге,
Как будто пьяный.
И месяц осветил двурогий
Бугры и ямы.

А лапоть – это символ счастья, –
А счастье мимо
Проходит, ибо счастье с честью
Несовместимо.

В пространстве, где валялся лапоть,
Бродил с гитарой
НН, любивший девок лапать,
Развратник старый.

НН любил читать Баркова
И девок лапать,
И, как железная подкова,
Валялся лапоть.

И как соломенная крыша,
И листья в осень...
То шёл бродяга из Парижа
И лапоть бросил.

Под ним земные были недра,
Он шёл из плена.
Бродяга был заклятый недруг
Того НН-а.

Была весна, и пели птички.
НН стал шарить
В карманах, где лежали спички,
Чтоб лапоть жарить.

И вспыхнул лапоть во мраке вечера,
Подобно вольтовой дуге.
Горел тот лапоть и отсвечивал
На всём пространстве вдалеке.

Какой-то придорожный камень
Швырнув ногой,
Бродяга вдруг пошёл на пламень,
То есть огонь.

А лапоть, став огня основой,
Сгорел, как Рим.
Тогда схватил бродяга новый
Кленовый клин.

Непостижимо и мгновенно,
Секунды в две,
Ударил клином он НН-а
По голове.

Бить – способ старый, но не новый –
По головам,
И раскололся клин кленовый
Напополам.

Тогда пошёл НН в атаку,
На смертный бой,
И начал ударять бродягу
Он головой.

Всё в этом мире спор да битва,
Вражда да ложь.
НН зачем-то вынул бритву,
Бродяга – нож.

Они зарезали друг друга,
Ну а потом
Они пожмут друг другу руку
На свете том.

Поскачут также на конях,
Вдвоём, не врозь,
И вместе станут пить коньяк
Небесных звёзд.

Всемирная история в самом сжатом виде

Чуть дремлет недремлющий пламень,
Затихший, но вечный огонь.
Резьбою изрезанный камень
Глядит первобытной строкой.

Объемлет селения пламень,
Но им освещается мгла,
А зодчим отвергнутый камень
Ложится главою угла!

1942

«Существуют четыре пути....»

Существуют четыре пути.
Первый путь – что-нибудь обойти.

Путь второй – отрицание, ибо
Признаётся негодным что-либо.

Третий путь – на второй не похож он,
В нём предмет признаётся хорошим.

И четвёртый есть путь – настоящий,

Над пространством путей надстоящий:

В нём предмет помещается в мире.
Всех путей существует четыре.

1942

Про одноглазок

Решил Господь внезапно, сразу:
Поотниму
У большинства людей по глазу,
По одному.

Куда ни глянь, везде циклопы,
Но волей Бога
Кой у кого остались оба
Ока.

Циклопы, вырвавшись из сказок,
Входили в моду.
И стали звать они двуглазок –
«Уроды»!

Двуглазки в меньшинстве остались,
И между ними
Нашлись, которые старались
Глядеть одним, и

Хоть это было неудобно
Двуглазым массам,
Зато прилично и подобно
Всем одноглазым.

1943

«Я был дураком, стариком, инвалидом...»

Я был дураком, стариком, инвалидом,
Названьями щедро себя наградя;
Но я не предатель: себя я не выдам, –
Теперь я отъявленный негодяй!

Я стал дорожить настоящей минутой
И новой своей повинуюсь судьбе;
Но быть не могу и не буду иудой,
А всё остальное – прощаю себе.

«Кто за меня, кто за него...»

Кто за меня, кто за него,
Не всё равно, не все равны;

Но на себя на самого
Я посмотрел со стороны.

Мой предок раб. Мой предок скиф.
Он неразборчив был на средства,
И недостатков нет таких,
Что б я не получил в наследство.

Как предок, для своих побед
Готов идти на что попало.
Но я пророк. Но я поэт,
Хочу, чтоб было небывало.

И в то же время надо мне,
Моё чтоб имя стало громким,
И я шатаюсь по стране,
Что между предком и потомком.

1943

«Молодость проходит удалая...»

Молодость проходит удалая.
Молодец совсем не тот, кто в морду даст.
Наступает старость – и вторая
После старости наступит молодость.

Я хочу, чтоб вечно пировали

Дни мои, не ведая усталости,
Но сейчас торчу на перевале
И в плену у смерти и у старости.

1944

«Ежели ты праведник...»

Ежели ты праведник,
Прохожий,
И тебе поставят памятник
Похожий, –

Можешь не бояться:
Хватит меди –
Будешь любоваться
После смерти.

1944

«Но если путь к иным победам...»

Но если путь к иным победам
Я предпочту иным дорогам,
Тогда не буду я поэтом,
Тогда не буду я пророком.

Я обрету людей степенность,
Я принесу немало пользы,
Меня признает современность,
Но обо мне забудут после.

1944

«Мы любим жизнь со всеми трын-травами...»

Мы любим жизнь со всеми трын-травами,
Которые увидели воочию.
Хорошим быть – такое дарованье,
Которому способствуют все прочие.

Как мудрецы, мы волосы ерошим
И всевозможные вопросы ставим.
Бездарный человек не может быть хорошим,
Хотя бы потому, что он бездарен.

Он обыватель в худшем смысле слова,
Всегда сльвёт за моего врага.
Он крепко ненавидит всё, что ново,
На всех пространствах и во все века.

С отвагой безошибочного труса
Он распинал Иисуса на кресте,

Чтобы потом во имя Иисуса
Сжигать Джордано Бруно на костре.

1945

«Не Дон Кихот я и не Гулливер...»

Не Дон Кихот я и не Гулливер,
И книгою меня не наградили.
И у меня царя нет в голове.
Так что ж? Там у меня демократія.

Мне не нужны Парнас или Олимп,
И мысли у меня не арестантки.
Двугривенные мне напоминают рыб,
И ложки мне напоминают танки.

И ни одной стены не пробивал я лбом.
Куда бы я ни шёл, я приходил домой.
Пускай мои стихи публичный дом,
Но не являются они ничьей тюрьмой.

1945

Стихи, написанные под столом

Ощущаю мир во всём величии,

Обобщаю даже пустяки,
Как поэты, полон безразличия
Ко всему тому, что не стихи.

Лез всю жизнь в богатыри да в гении,
Для веселия планета пусть стара.
Я без бочки Диогена диогеннее
И увидел мир из-под стола.

Знаю, души всех людей в ушибах,
Не хватает хлеба и вина,
Пастернак отрёкся от ошибок, –
Вот какие нынче времена.

Знаю я, что ничего нет должного.
Что стихи? В стихах одни слова.
Мне бы кисть великого художника,
Карточки тогда бы рисовал

Продовольственные или хлебные,
Р-4 или литер Б.
Мысли, изумительно нелепые,
Так и лезут в голову теперь.

И на мир взираю из-под столика:
Век двадцатый, век необычайный, –
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней.

Я мудрец и всяческое дело чту,
А стихи мои нужны для пира.
Если ты мне друг, достань мне девочку,
Но такую, чтоб меня любила.

1945

«Чья душа настолько измельчала...»

Чья душа настолько измельчала,
Что отдаст меня за огурец?
Где оно, великое начало,
Положившее всему конец?

От всего немного отведав,
Я смотрю на всё издалека.
По путям вопросов и ответов
Очень быстрая езда легка.

По путям ответов без вопросов
Очень быстрая езда трудна –
И торчу, непризнанный философ,
В океане Истины, у дна.

«Все, которые на крыше...»

Все, которые на крыше
Жизнь свою пропировали,
К звёздам всё-таки не ближе,
Чем живущие в подвале.

«Поглядеть велит сам бог нам...»

Поглядеть велит сам бог нам
На сирень перед окном,
Потому что передохнем,
Если не передохнём!

Примитив

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач и враг невзгод.
И очень примитивный человек.

А за окном обыкновенный снег,
Его бы мог сравнить я с серебром.
Зачем? Я примитивный человек,
Который платит за добро добром.

Который понимает, что зимой

Снег популярен – потому воспет.
А я предпочитаю летний зной
И вешних яблонь белоснежный цвет.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко; чаще не везло,
Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.

Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я по примеру всех простых людей
Предпочитаю счастье без борьбы!
Увижу реку – искупаюсь в ней,
Увижу лес – пойду собирать грибы.

Представится мне случай – буду пьян,
А не представится – останусь трезв,
И женщины находят в том изъясн
И думают: а в чём тут интерес?

Но ежели об интересе речь,
Я примитивность выявлю опять:
С хорошей бабой интересно лечь,
А не игру в любовь переживать.

Я к сложным отношениям не привык,
Одна особа, кончившая вуз,
Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь.

Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолиц поганых погромил,
И покори́л Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Правдиво отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков,
А что *он* сделал, – сложный человек?..
Бюро, бюро придумал... пропусков!

1951

Моя жена

Не две дороги светлого стекла,
Не две дороги и не две реки...
Здесь женщина любимая легла,
Раскинув ноги Волги и Оки.
Запрокинув руки рукавов
И золото своих песчаных кос,
Она лежит на ложе берегов
И равнодушно смотрит на откос.

Кто знает, что она моя жена?
Я для неё не пожалею строф,
Хотя я не дарил ей кружева
Великолепно связанных мостов.
Она моя жена, а я поэт...
Сто тысяч раз изменит мне она, –
Ни ревности, ни ненависти нет:
Бери её, она моя жена!

Она тебя утопит ни за грош:
Есть у неё на это глубина,
Но если ты действительно хорош,
Возьми её – она моя жена.
Возьми её, одень её в гранит,
Труды и камни на неё затрать...
Она такая, что не устоит
И даст тебе всё то, что сможет дать!

1950–1951

«Подальше убраться...»

Подальше убраться
Из мира огромности?
Подальше держаться
В тени или в скромности?..

Я слышал. Спасибо

За все поучения.
Лишь дохлая рыба
Плывёт по течению!

Я буду бороться
Со всем ненавистным мне
За счастье, за солнце,
За вечные истины!

За жизнь, за призванье,
За место, за званье!
Со всеми – и с вами,
Тупицы и бездари.

1953

«Бывают в нашей жизни величины...»

Бывают в нашей жизни величины
Сложней привычных степеней, корней:
Так женщина умнее, чем мужчина,
Ну а мужчина – женщины умней!

За новое счастье

На столе много разной закуски, и хлеба,

Апельсинов, пирожных, конфет, и вина...
Если б мог я взлететь в тридевятое небо
И отправиться в прошлые времена,

Я б туда захватил этот стол новогодний,
Превосходно накрытый богатой едой.
Я б из многих годов выбрал самый голодный:
Из столетья двадцатого – сорок второй.

Я созвал бы друзей самых лучших и милых,
На себе испытавших тяжёлые дни;
Я продуктами этими всех угостил их,
Так что были бы мною довольны они!

В нашей власти, друзья, сдвинуть горы и скалы,
Только старому горю не сможем помочь...
Так за новое счастье подыдем бокалы
В эту радостную новогоднюю ночь!

1955

Зимнее утро

Мне бы спать и спать, но просыпаюсь:
Чередой забот сильней зевот.
Зимнего рассвета белый парус
По утрам в поход меня зовёт.

Мне вставать не хочется с постели,
Мне бы спать и спать, но даль светла:
Ждут меня удачи и потери,
Ждут меня великие дела!

1958

«Не очень трудно обмануть...»

Не очень трудно обмануть
Жену, друзей, весь свет.
Обманный путь, что санный путь,
Оставит лёгкий след.

Его, наверно, заметёт
Пороша или быт –
И не заметит, не найдёт
Прохожий следопыт.

Обманщик свой продолжит путь,
Нисколько не скорбя.
Совсем нетрудно обмануть
И самого себя.

Прольётся над обманом дождь
Иль вешняя вода –
И сам вовеки не найдёшь
Забытого следа.

И сам начнёшь искать тот след,
Но в том-то и беда,
Поймёшь: чего-то в жизни нет,
Исчезло навсегда!

1962

«Людское коварство изведав...»

Людское коварство изведав,
Скажу, что не каждый – злодей,
Но люди не любят поэтов
И люди не любят людей.

Их дружба – тому подтвержденье
В течение многих веков:
Их дружба – друзей утвержденье
И ниспроверженье врагов.

Любовь – подтвержденье того же,
С чего ей вовек не свернуть:
Любимые только пригожи,
А все остальные – ничуть!

Изведав людское коварство,
Скажу, что не каждый – злодей,
Но люди, создав государство,

Не очень любили людей.

Любили своих неважнецки,
Своим у своих не везло,
Но били чужих молодецки,
Мечом отдавая за зло!

Изведав коварство людское,
Скажу, что не каждый – злодей,
Но сам я – от мира не скрою –
Любить не могу всех людей.

Опасней любви или злобы
Пустейшая их болтовня –
И сам я не требую, чтобы
Все люди любили меня!

Что лучше?

Жить в бочке, безусловно, мудрено –
И в бочке проживал один мудрец.
Другой мудрец из бочки пил вино,
А для жилья облюбовал дворец.
Но я не знаю, кто из них мудрей?

Царь Соломон имел десятки жён,
Кант ни одной красотки не имел.

Царь Соломон умён. И Кант умён.
И хороши они для всех времён,
Но я не знаю, кто из них умней?

Один живёт в пустынной стороне,
Другой предпочитает шумный град.
Мне хочется побыть наедине
И видеть всех своих друзей подряд!..
Одно другое исключает пусть,
Но лучше что?! Ответить не берусь!

1962

Реставратор

Был храм подвергнут разрушенью
И в середине, и с боков.
Являл он мерзость запустенья
И благолепие веков.
И хорошо, конечно, братцы,
Что не снесли его в тот год,
Когда не смели разобраться,
Красавец он или урод.

Явился реставратор добрый,
Трудился, не жалея сил,
И храму первозданный облик
Великодушно возвратил.

И храм вознёсся величаво,
И засияли купола,
И нам предстала в блеске славы
Краса, которая была!

1965

Гимн клоуну

Я поэт или клоун?
Я серьёзен иль нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун – тоже поэт.

Он силён, и спокоен,
И серьёзно смышлён –
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

И, освоив страницы
Со счастливым концом,
Так легко притвориться
Дураку мудрецом!

«За что мне нынче не лафа?..»

За что мне нынче не лафа? –
Сам у себя спросил.
За все случайные слова,
Что я произносил.

За что болезнь ко мне пришла,
Меня лишила сил?
За все полезные дела,
Которых не свершил!

Вот так упадочно болей
Во цвете бурных лет.
А в отложении солей
Первопричины нет!

Дервиш и моряк. Арабская притча

Шёл парусник по морю-океану,
Багдадский вымпел реял на ветру.
Спросил учёный дервиш капитана:
– Читал ли ты священного Корана

Одиннадцатую суру?

– Нет, не читал мудрёной этой книги,
Аллах не научил меня читать.

– Полжизни потерял ты, неуч дикий,
Не осознал Корана благодать!

Полжизни ты утратил сумасбродно! –
Вёл дервиш поучительную речь.

Тем временем корабль о риф подводный
Ударился – образовалась течь.

Беды неотвратимой не поправить,

Но вдалеке виднеется земля.

Спросил тогда водитель корабля

У дервиша: – Умеешь ли ты плавать?

– Я плавать не умею, – молвил дервиш. –

Тому не научил меня Аллах!

Сказал моряк: – Коль плавать не умеешь,

Всю жизнь свою утратишь ты в волнах!

«Взбираться по отвесным скалам сложно...»

Взбираться по отвесным скалам сложно,

Рискованно и трудно, но возможно.

Плыть в бурном море трудно и опасно,
Но море даже бурное прекрасно.

Брести болотом тягостно, но хуже –
Когда тебе предложат плавать в луже!

Размышленья

Ноль как число не смотрится никак,
Но действует как пограничный знак!
И у него, как крылья у орла,
Есть верхняя и нижняя шкала.

В любой науке понимая толк,
Ноль разделяет капитал и долг.
Живя на уровне морской волны,
Он в центре высоты и глубины.
Ноль отделяет воду ото льда,
От зноя отделяет холода.

Ноль – это разделения король:
И время, и пространство делит ноль.
Он разделяет бесконечность доль,
Но существует абсолютный ноль.
По Томсону, иль Кельвину, шкала
Не знает, что такое два крыла.

Там странный ноль – непостижимый знак.
А что за ним? Ничто? Безмолвье? Мрак?

Иль бесконечность антивещества,
Где процветают антисущества?
Иль за пространством скрытые миры?
Иль отчуждённость чёрной той дыры,
В которой красного смещения нет,
А действует смещение-фиолет?

Иль наше время движется там вспять?
Кому-то это суждено узнать!
Узнаем мы, которые живём
Над абсолютным Кельвинским нулём!

1975

«**Есть преданье: Иуда повесился...**»

Есть преданье: Иуда повесился
На осине, на горькой осине, –
И дрожит мелкой дрожью невесело
Лист осины по этой причине.

Полагали так божии странники,
Но в садах Иорданской долины,
По проверенным данным ботаники,
Не росло ни единой осины.

А у нас острова есть лосиные,
И леса, и болота покуда
Чрезвычайно богаты осинами,
Но не вешается Иуда!

1977

«Не надо глупости бояться...»

Не надо глупости бояться,
Она безвредная пока:
Есть мудрость в глупости паяца,
Весёлость – в шутке дурака.

Такая глупость не обманет
Того, кто разумом богат,
И гениальный Пиросмани
Был величаво глуповат!

Но мудрость ложная схоласта
Навязчива, как пыль степей, –
Она противнее гораздо,
И вредоносней, и глупей.

Не истина – победа в споре
Фальшивой мудрости нужна.
А глупость служит ей опорой –

И только потому вредна!

«Что лучше: вежливость иль грубость?..»

Что лучше: вежливость иль грубость?
Не торопитесь отвечать.
Бывает вежливость – как глупость:
На ней Манилова печать.

Бывает вежливость обмана,
Бывает вежливость вранья.
У очищающих карманы
Бывает вежливость – броня!

1978

«Кем больше быть хочу, спросили...»

Кем больше быть хочу, спросили
Меня товарищи-коллеги,
Талантливым поэтом или
Хорошим человеком?

«Хорошим человеком больше

Желаю быть», – я им ответил.
И три десятилетия после
Старался быть и тем и этим.

До объективности дорос,
Итоги подвести осталось:
Поэтом стать мне удалось,
Быть человеком – удавалось!

1978

«Жить и жить – полезней и прелестней...»

Жить и жить – полезней и прелестней,
Чем лекарства смерти принимать.
После продолжительной болезни
Жить и жить мне хочется опять.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
Жизнь – не средство, это – самоцель!

Увяданье, замерзанье грустно –
Радостно цветение цветка.
Жизнь – это искусство для искусства,

Смело устремлённое в века!

1978

Лирь

«Есть страна Египет...»

Есть страна Египет –
Золотое дно.
Иероглиф выбит
На скале одной.

Я не знаю, рок ли
Чересчур мой крут,
Только иероглиф
Я не разберу.

Если бы случайно,
Что в себе таит,
Прервалось молчанье
Сфинкса пирамид,

В отдалённом смысле
Неземной мечты
Не таила б мысли
Дорогая – ты.

Гоген

Её зовут Вайраумати.
Буйволы бегут.
А я её не на кровати,
А на берегу.

Пускай все ветры веют с веста
На парус кораблю,
Она моя невеста –
И я её люблю.

На чудном острове пробуду,
Покуда не умру.
Там смотрит вдаль великий Будда,
Похожий на туру.

Когда начнут плоды собирать,
В корзины их валя,
Я изменю Вайраумати
С женою короля.

1939

«С женщиной какой-нибудь такой...»

С женщиной какой-нибудь такой,
Очень замечательно хорошей,
Хорошо, обняв её рукой,
Целу ночь лежать на ложе.

Звёздами заёрзается высь,
И, постигнув неба откровенье,
Ты воскликнешь: «О, остановись!»
Но не остановится мгновенье.

1940

«Снежинки падают...»

Снежинки падают
куда-то в темь,
Мне кажется,
что вверх они летят.
Меж тем
Скользнула времени ладья.
То было в солнечный декабрь,
В зиме,
в салазках и в огне
Заметок,
мнений и декад,
Мелькнувших женщиной в окне.

1940

«Все мы, проработавшие Пушкина...»

Все мы, проработавшие Пушкина,
Знающие правила деления на три,
Разбиваем лучшую игрушку,
Чтобы посмотреть, что у неё внутри.

Только я нисколько не такой,
На других нисколько не похожий,
Безусловно, самый я плохой,
Потому что самый я хороший.

Я не тот, кто дактиль и анапест
За рубли готовит Октябрю.
Я увижу на знамёнах надпись
И услышу надпись: «ЛЮ-Я-БЛЮ».

ЛЮ-Я-БЛЮ. Моя любовь разбита,
Это слово тоже разрублю,
Потому что дьявольски избито
Словосочетанье: «Я ЛЮБЛЮ».

Так затасканы Амура стрелы
Да публичнодомная кровать.
Это слово очень устарело,
Но любовям не устаревать.

Пусть любовь сюсюканьем альбомится,
Так любить умеют и кроты.
Скажи мне, кто твоя любовница,
И я скажу тебе, кто ты.

1940

«Хотя играл огнями город, но...»

Хотя играл огнями город, но
Ночь темна. Снег бел и светел.
Она спросила: «Вам не холодно?»
Была зима. Шатался ветер.

Была зима. Я поднял ворот, но
Мог бы спрятаться за доски.
Она сказала: «Вам не холодно».
А было холодно чертовски.

1940

Письмо знакомке

Я с тобою рассуждаю честно.
Ты слаба, слепа и недоверчива,
А влюбляешься неинтересно,
Исключительно от делать нечего.

Если б ты была из первозданных,
Станных, славных и очаровательных!
У тебя же не хватает данных –
Ни бульварных, ни очковтирательных.

Если б ты была из незаметных,
Постоянных, ласковых, внимательных!
У тебя же, к сожалению, нет их –
Этих самых качеств привлекательных.

Васильки растут во ржи-пшенице,
Может быть, красивые, но сорные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.